

Тайное становится явным

Смежный участок или «серая» зона?

В.К. Зиланов, профессор

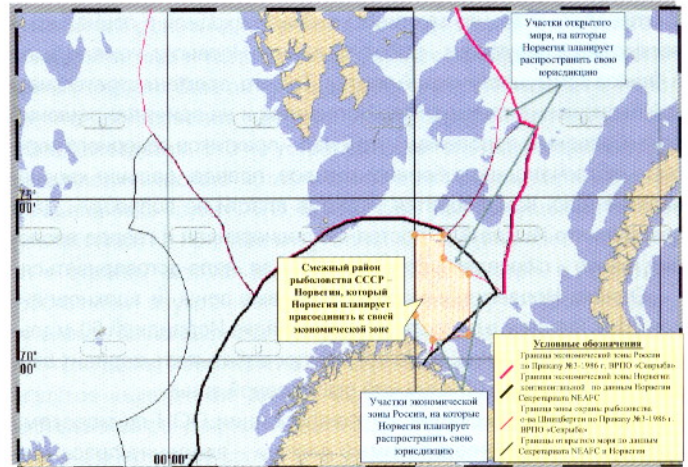
Пятилетка 1970-1975 г.г. для рыбной промышленности Советского Союза была весьма удачной. Впервые вылов в 1975 г. превысил 10 млн т; флот пополнялся новыми крупномонтажными судами; выявлялись и осваивались новые районы промысла; состояние сырьевой базы оценивалось учеными ВНИРО и бассейновыми институтами, как удовлетворительное. За достижение высоких показателей отрасли министр Ишков А.А. был удостоен высокой награды – Герой Социалистического Труда. Многие специалисты отрасли – рыбаки и рыбопереработчики были отмечены правительственными наградами. Словом, перспективы вроде бы были обнадеживающими..., но были и весьма опасные тенденции. Главная из них – неотвратимость повсеместного введения 200-мильных экономических (рыболовных) зон прибрежными государствами. Именно в них наш флот добывал в то время от 5 до 5,6 млн. т из 10 млн. т. Особенно опасной эта тенденция была в прилегающих к нашему побережью морях – Баренцевом, Беринговом, Балтийском, Черном, Каспийском и других. Ведь именно здесь весь улов шел для переработки на береговых рыбокомбинатах и затем на внутренний рынок. Нависла угроза спада уловов и выпуска пищевой рыбопродукции.

В этих условиях министр Ишков А.А., штаб отрасли предприняли огромные усилия по защите интересов рыбной отрасли. Ставилась задача в новых условиях – в условиях 200-мильных зон – пойти на заключение договоренностей, прежде всего, с соседними странами, которые бы обеспечили работу флота в оптимальных режимах, то есть в соответствии с состоянием запасов того или иного объекта. Особенно это касалось северных морей и прежде всего Баренцева моря, где колебания численности (флюктуации) объектов лова – трески, пикши, мойвы и других были весьма существенными. С этой целью Советский Союз, по рекомендации ученых ПИНРО, выступил с инициативой ввести национальное квотирование основных объектов промысла в Баренцевом море, исходя из расчетов ученых по общему допустимому улову.

Главным противником такого подхода в 1970-1973 гг. была Норвегия, которая всячески уклонялась от введения подобных мер, поскольку ее основной, наиболее прибыльный промысел базировался на нерестовой треске-скрей без всяких ограничений. Вместе с тем, наш отечественный промысел велся на молодой, подрастающей треске и, как правило, неполовозрелой. К тому же, наш флот наращивал уловы. Это создало реальную угрозу того, что урожайное поколение трески 1970 г. и пикши 1969–1970 годов может быть в большей части выловлено еще до созревания, и тогда норвежский промысел нерестовой трески-скрей «обвалится».

Перед такой неважной перспективой Норвегии пришлось пойти на договоренность с Советским Союзом и Англией по ограничению своего промысла, посредством установления – впервые! – национальных квот на 1974 г.: для Норвегии – 245,8 тыс. т, СССР – 179,5 тыс. т и Англии – 77,6 тыс. т. Однако эта договоренность, ввиду продолжающегося неконтролируемого промысла судами Португалии, Испании, Германии, была торпедирована.

Вновь открывалась перспектива нерегулируемого промысла. Вместе с тем, по главному, принципиальному вопросу – о рационализации промысла трески и пикши в Баренцевом море

– у российских и норвежских ученых и управленцев-администраторов от рыболовства взгляды были едины. Кратко они заключались в следующем: «...рационализация промысла должна вестись по двум взаимосогласованным направлениям – ограничение лова молодежи в целях повышения средней навески рыбы и создания возможностей для увеличения нерестового потенциала, ограничение вылова половозрелых рыб в целях обеспечения воспроизводства стада». Казалось, это создавало основу для быстрого достижения практических мер регулирования. Но не тут-то было. Норвегия настойчиво предлагала увеличение ячеи в тралах до 135–150 мм и закрытие для промысла обширных регионов на востоке моря. При этом норвежские суда в то время вылавливали тралом не более 10–15 % от общего годового вылова. Остальной улов брался пассивными орудиями лова: ставными неводами, плавными сетями, ярусами и прочими крючковыми орудиями.

Наш же флот все 100 % улова на востоке моря, вдоль Норвежского побережья и в районе Договора о Шпицбергене 1920 г. брал тралами. Переговоры по мерам регулирования приняли затяжной характер. К тому же, они осложнились все возрастающими претензиями норвежцев, зачастую оправданными, относительно повреждения их ставных орудий лова нашими траулерами, работающими у Норвежского побережья, особенно в районе Финмаркенской банки, Норвежского желоба, Норкинской банки. Советско-норвежская комиссия по претензиям, созданная специальным межправительственным соглашением, была завалена норвежскими претензиями. Рассматривались они длительно. Словом, нарастал новый конфликт напряженности в рыболовных отношениях двух соседних государств.

В этих условиях Норвегия расширяет свои территориальные воды: вначале – с 4 до 6 миль, а затем – и до 12 миль. Более того, она вводит в одностороннем порядке, так называемые, бестраловые зоны, которые значительно распространяются за пределы 12-ти миль. Справедливости ради, следует отметить, что норвежцы заранее оповестили нас об этом и даже пошли, по нашей просьбе, на некоторое уменьшение участков бестраловых зон. Однако на полную их отмену не согласились. Таким образом, был создан опасный прецедент, когда прибрежное госу-

дарство в одностороннем порядке вводит меры регулирования рыболовства в открытых районах Баренцева моря. Хотя и при молчаливом согласии своего основного партнера-соседа – Советского Союза.

Возникает вопрос: почему в то время при всей своей политической, экономической, военной и рыболовной мощи Советский Союз пошел на это? Ответ на него прост: только потому, чтобы не настраивать против себя простых норвежских рыбаков или, как тогда говорили в ЦК КПСС, тружеников моря, которые, к тому же, на севере Норвегии дружелюбно относились к своему соседу. Учитывалось и то, что многие из рыбаков входили в социалистическую (в последующем – рабочую) партию Норвегии, немало было и членов коммунистической партии. Так что, элемент стратегической политики накладывал свой отпечаток и на принятие решений по рыболовным проблемам, что у нас – практиков северного региона – встречало неодобрение, которое, правда, дальше «ворчания» не шло. Как говорится, «против власти не попрешь». Да и сам министр Ишков А.А. постоянно подчеркивал и твердо проводил линию – с соседями ссориться нельзя, надо договариваться.

Однако Норвегия, введя бестраловые зоны, и вдохновленная объявлением в одностороннем порядке Исландией 50-мильной рыболовной зоны, сама начала прорабатывать вариант введения 50-ти либо 100-мильной рыболовной зоны.

Одновременно с этим, на Конференции ООН по морскому праву уже «витал неотвратимый демон» – введение повсеместно 200-мильных зон. В этих условиях, глава норвежской делегации на Конференции ООН, министр по вопросам морского права и рыболовных границ Енс Эвенсен, весьма влиятельный и авторитетный политик, занял у себя в Норвегии выжидательную позицию. Он вел линию сдерживания требований рыбаков об объявлении Норвегией каких-либо (50-100-мильных) зон до принятия решения на Конференции ООН по морскому праву и предвидел неотвратимость повсеместного введения 200-мильных зон. Другими словами, зачем вводить в одностороннем порядке 50-100 мильную зону, настроив против Норвегии всех и, прежде всего, своего могучего соседа – Советский Союз, когда можно будет через 2-3 года на основе международного права ввести зону в 200 миль. И, этим самым, избежать возражений соседей и полностью защитить не только рыбные, но и, что особенно важно, минеральные ресурсы дна морей. И в этом Енс Эвенсен оказался прав.

В непростых условиях для нашего рыболовства, когда еще были не ясны перспективы, завершили работу Конференции ООН по морскому праву, министр рыбного хозяйства Советского Союза Александр Ишков в конце 1973 г. собрал у себя в кабинете руководителей Северного бассейна с участием специалистов Северной рыбопромысловой разведки и ПИНРО и дал задание: срочно выполнить все расчеты наших потерь в случае объявления Норвегией бестраловых зон, а также 50-, 100- либо 200-мильных рыболовных зон в Баренцевом море; выработать предложения по поиску вариантов восполнения этих потерь. Словом, попытаться определить потери и разделить неделимые рыбные запасы и само Баренцево море.

Такая работа была представлена Главкомом «Севрыба». В ней на 74-х страницах давался подробный анализ, с соответствующими картами и таблицами, ситуации, складывающейся в Баренцевом море и возможных путей сохранения нашего флота. Расчеты показывали, что при введении бестраловых зон, наши потери трески и пикши составят не менее 15–20 %, а при введении 200-мильной зоны около 40–60 % годового вылова. При этом существенно ухудшался видовой состав вылова за счет недоступности массового промысла окуня, палтуса и других объектов.

Вместе с тем, компенсация потерь в объеме вылова все же была возможной при интенсификации промысла в нашей зоне

Баренцева моря на молодой треске (что нерационально), либо вывод флота в отдаленные открытые районы Северной Атлантики и в район Договора о Шпицбергене. Предлагалось также заключить с Норвегией ряд межправительственных соглашений, проекты которых были разработаны в регионе с участием специалистов министерства и приложены к аналитической работе. Уже тогда предвиделась ситуация, при которой необходимо будет договариваться о правилах и режиме рыболовства, прежде всего, в приграничных смежных участках моря, где промысел ведут как рыбаки России, так и Норвегии, что в последующем полностью оправдалось.

Именно этот, весьма тщательно проработанный специалистами Северной промразведки и ПИНРО, аналитический материал послужил для нашей делегации основой при переговорах с Норвегией по решению целого ряда проблем, среди которых такие важнейшие как: деление ОДУ трески и пикши на национальные квоты между Норвегией и Советским Союзом и, самое главное, достижение договоренностей о районе смежного участка рыболовства и о Временных правилах и режиме промысла в нем.

В тоже время и норвежская сторона готовила свои варианты решения данной проблемы. И все же, забегая вперед, замечу, что наши домашние наработки выглядели на переговорах весомее, это в последующем признавали в своих воспоминаниях участники норвежской делегации. Так, в прошлом директор Директората по рыболовству Норвегии Халмстейн Расмуссен вспоминает, что норвежская делегация, выдвинув свои тщательно разработанные МИДом и Министерством рыболовства Норвегии предложения по решению проблем рыболовства и разграничению морских пространств, были на следующий день «...советской стороной, к нашему удивлению, разбиты в пух и прах. Неясно было одно: как они за такое короткое время могли так тщательно, пункт за пунктом, проанализировать наши предложения. Русские сделали такой основательный анализ, как будто они знали наши предложения заранее». Как участник этих переговоров с советской стороны, замечу, что все это – результат анализа, на основе заранее подготовленных, упомянутых выше, материалов.

Весьма показателен и состав участвующих в столь ответственных переговорах делегаций двух стран. С норвежской стороны их вел министр по вопросам морского права и рыболовным границам Енс Эвенсен, по существу, МИД Норвегии. Большинство членов делегации – специалисты МИДа, включая Арне Трехолта (заместителя министра Енса Эвенсена), Пьера Треселта – договорно-правовое управление МИД, посла Норвегии в Советском Союзе Петра Грайвера и целого ряда других специалистов.

Министерство рыболовства Норвегии было представлено вторыми лицами, хотя периодически подключался министр рыболовства Э. Болле. С нашей стороны переговоры вел министр рыбного хозяйства Александр Ишков. В составе делегации были, в основном, специалисты Министерства рыбного хозяйства, Северного бассейна и науки. По указанию Александра Ишкова, я возглавлял с нашей стороны все рабочие группы по практическим вопросам (согласование координат смежного участка, разработка конкретных правил и режима рыболовства и т. д.) С норвежской стороны эту работу вел Пьер Треселт, в последующем – посол Норвегии в России. Представители нашего МИДа были в советской делегации на вторых, вспомогательных ролях. Такой неравный состав двух делегаций, когда с одной стороны – МИД Норвегии, а с другой – Министерство рыбного хозяйства Советского Союза, отражал и подчеркивал позиции правительств по данному вопросу. Мы своим составом подчеркивали, что нет никаких политических проблем, кроме практических вопросов рыболовства. Норвегия же, как бы, говорила о другом – это политическая межгосударственная проблема: надо делить рыбные ресурсы и, главное, Баренцево море.

Вместе с тем, следует отметить существенный вклад начальника Договорного правового управления МИДа, члена Коллегии МИДа Олега Хлестова и посла Советского Союза в Осло Юрия Кириченко в отыскание окончательного юридического ключа этой проблемы. Именно они на частных переговорах с Энсом Эвенсоном оговорили правовые вопросы, формат и сроки действия разрабатываемых документов. Вспоминаю, на одном из приемов в Посольстве Норвегии в Москве Хлестов и Евенсен отошли в угол и торопливо что-то рисуют на салфетках. Затем показывают мне рисунок – на нем разные конфигурации будущего смежного участка. Говорят: «Посмотри, пойдет?» Я начинаю корректировать в западную сторону. Евенсен протестует. Предлагаю остановиться на варианте включения в него ряда промысловых банок – Финмаркенскую банку, Мурманский язык. Вновь протесты. Затем находим что-то среднее и далее – на следующий день – обсуждаем в рабочей группе. Такой подход позволил убедить Правительство и Парламент Норвегии, а с нашей стороны, кроме Правительства, еще и Политбюро ЦК КПСС в том, что сама договоренность носит временный характер и касается только практических вопросов рыболовства. Договоренность не меняет позиции сторон по их принципиальному вопросу: мы стояли за разграничение 200-мильных зон по границе полярных владений, установленных Россией в 1926 г., а норвежцы – по срединной линии.

В результате претензий Норвегии и России образовался спорный район площадью почти в 155 тыс. кв. км, что превышает территорию Исландии и составляет почти 50 % территории всей континентальной Норвегии. Именно этот обширный район был предметом напряженных переговоров по поиску компромиссного решения в течение почти трех лет – с 1976 по 1978 гг.

Позиции сторон были диаметрально противоположны. Так, Советский Союз, а затем и Россия считали и считают, что разграничение должно быть осуществлено по линии границы полярных владений, которая была установлена Россией в 1926 г. Согласно этой позиции, в Арктике Россия объявила сектор, который с запада ограничивался меридианом 32-34 в. д., а на востоке – 168 градусом з. д.

Секториальной доктрины в Арктических морях в то время придерживались Канада, Дания (Гренландия). Дополнительно к этому, наша делегация на переговорах обосновывает такой подход и значение Баренцева моря для решения целого ряда экономических проблем России – продовольственной, транспортной, занятостью населения, протяженностью береговой линии, освоением и открытием ряда природных запасов. Другими словами, все это относится, в соответствии с международным правом, к исторически сложившимся правовым основаниям и к особым обязательствам. В этой связи, разграничение по линии полярных владений будет наиболее справедливым.

Норвежская сторона тоже основывается на положениях международного права – разграничение должно быть по срединной линии, проведенной таким образом, чтобы каждая точка была равноотстоящей от ближайших исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря. Естественно, что и норвежцы, как и российская делегация, приводят дополнительные аргументы, включая и экономические. Они тоже считают свою позицию справедливой.

Учитывая особое значение спорной, южной части района для рыболовства обеих стран, в январе 1978 г. все же было заключено Временное соглашение о ведении промысла и порядке инспекции в этом районе, который получил у нас наименование «смежный участок». Этот же термин фигурирует и в договорных документах. Норвежцы же предлагали назвать этот участок «серой зоной». Авторство такого наименования принадлежит Арне Трехолту, заместителю министра Енса Евенсена. Под ним понимался как бы определенный политический смысл – серая,

неясная зона, между красной (СССР) и белой (Норвегия). С этим термином, хотя его никто детально тогда не обсуждал, мы не согласились.

Однако в норвежской, западной и нашей прессе он широко применяется до сегодняшнего дня. Именно с решением этого промежуточного вопроса рыболовства по смежному участку в Норвегии был обвинен, наряду с другими надуманными историями, и в 1984 г. приговорен к самому длительному сроку заключения – 20 годам за шпионаж в пользу Советского Союза – один из самых подающих надежды политиков МИДа Норвегии, упомянутый ранее Арне Трехолт. По-существу, он стал жертвой холодной войны и политической борьбы за власть в Норвегии разных партий. Сам он принадлежал к юношеским лет к Рабочей партии Норвегии, идейную основу которой составляет социал-демократия. Это не устраивало не только консервативное крыло политического истеблишмента Норвегии, но, видимо, и определенные круги НАТО. В 1992 г. он был выпущен на свободу, вероятно, по причине отсутствия как состава преступления, так и страны, которая развалилась сама изнутри, с помощью собственных внутренних «шпионов», в пользу которой его деятельность была оценена у себя на родине, как шпионаж. Вместе с тем, даже, несмотря на это шумное и до сегодняшнего дня раздутое «шпионское дело», Соглашение о смежном участке рыболовства регулярно, каждый год продлевается обеими странами на очередные сроки. Это осуществляется уже 29 лет, что говорит о взаимовыгодности и правильности принятых в 1978 г. решений. Достаточно сказать, что договоренности о смежном участке позволили вести цивилизованный промысел не только судам двух стран, но и судам третьих стран, избежать конфликтных ситуаций, которые, как правило, возникают в таких районах. В этом огромная заслуга министра Советского Союза А. Ишкова и министра Норвегии Э. Евенсена.

Как участник тех непростых переговоров, руководитель рабочей группы, могу свидетельствовать, что при принятии решений нашей делегацией и особенно при изложении своих рекомендаций по вопросам проекта соглашений и координат района его применения, руководителю советской делегации министру А. Ишкову (а именно он принимал окончательное решение по всему комплексу вопросов), я не располагал никакими, кроме официальных, полученных за столом переговоров, материалов, документов и того анализа, который мы готовили каждый раз к переговорам.

Казалось, что решение вопроса рыболовства по смежному участку и его проверка жизнью подсказывали, что аналогичное решение может быть принято по всей площади спорного района, включая и другие виды экономической деятельности, например, разработка нефти и газа. Последний раз подобная инициатива была выдвинута в январе 1988 г. бывшим Председателем Совета Министров СССР Николаем Рыжковым во время его визита в Норвегию. Однако со стороны премьер-министра Норвегии Гру Харлем Брунтланд последовало отклонение подобного предложения и, более того, оно было оценено как в принципе неподходящее для Норвегии. Сама встреча двух делегаций (я представлял на ней нашу рыбную отрасль), на которой последовал резкий отказ на наше предложение даже без его детального обсуждения, оставил у советской делегации тягостное впечатление. Мне тогда показалось, что Николай Рыжков не ожидал такого поворота событий и, по-видимому, только его выдержка и такт по отношению не только к премьеру соседней страны, но и к женщине, позволили сдержаться от резких оценок такого отклонения.

Норвежцами был выдвинут тезис: «Мы согласны сотрудничать, но вначале разделимся, определим границу». В кулуарах же норвежцы обосновывали свое решение и дополнительными аргументами, такими как: СССР – великая держава с другой иде-

ологией, у вас большой военный флот на Севере, ссылались и на шпионаж в пользу СССР при принятии решений по рыболовству относительно смежного участка.

Сейчас, по прошествии почти 15 лет с той встречи, можно предположить, что уже к тому времени «западные аналитики» политической палитры в нашем бывшем Союзе ССР усматривали надвигающуюся катастрофу развала и не торопились с решением проблем, имеющих глобальные геополитические последствия, к которым относится и проблема разграничения континентального шельфа и экономической зоны в Баренцевом море. Бессспорно, главное здесь – конкуренция за нефть и газ.

На рубеже 90-х годов бег переговорного процесса начинает ускоряться. Было проведено несколько встреч Михаила Горбачева, Эдуарда Шеварднадзе с руководством Норвегии, в ходе которых обсуждались эти вопросы. В данном случае, норвежцы стремились сделать «прорыв» во время ожидавшегося визита в Норвегию М. Горбачева по случаю присуждения ему Нобелевской премии мира. Такой ход событий вызвал беспокойство рыбаков Северного бассейна, так как можно было ожидать, что наши интересы будут преданы ради политических фанфар. К счастью, (естественно, рыбаков) визит М. Горбачева в Норвегию не состоялся.

Вновь процесс переговоров замедлил ход. Хотя эксперты МИД двух стран (в их число, по непонятным причинам, никогда уже не включались представители рыбной отрасли) продолжали поиск взаимоприемлемых решений.

С развалом Союза ССР и наследованием Россией всех его проблем, «машина дипломатии» вновь начала убыстрять свой бег. Визит министра иностранных дел РФ А. Козырева и председателя Комитета рыбного хозяйства В. Корельского в Норвегию создал предпосылки для возобновления обсуждения не только правовых вопросов, но и рыболовных, возникших при делимитации районов в Баренцевом море. С норвежцами была достигнута договоренность: вновь начать такие переговоры на уровне экспертов обеих сторон, хотя они проходили уже неоднократно.

Как участник прошлых (в 70-е годы) и двух новых (в 1991-1992 годах) туров вновь возобновленных переговоров, скажу, что достижение решений будет трудно и непросто. К тому же позиция экспертов делегации Норвегии, судя по последним переговорам, весьма жесткая и, я бы сказал – это мое личное мнение, – более политизированная, по сравнению с прошлыми годами, а также по сравнению с подходами российской делегации. Вместе с тем, достижение договоренности в принципе, на базе нанесения ущерба рыбакам двух стран в результате возможной делимитации районов в Баренцевом море, весьма обнадеживает. Естественно, что самый простой путь решения проблемы разграничения экономической зоны – это разделить спорный район 50:50. Однако при кажущейся справедливости такого подхода, российские рыбаки потеряют значительные районы промысла. Более того, наша северная рыболовная промышленность будет заблокирована с запада, и мы останемся в «восточном ледовом мешке» Баренцева моря. Никак не делится неделимые рыбные запасы и само Баренцево море!

Есть ли выход из данной ситуации, особенно в области рыболовства, который бы устраивал обе стороны? Думаю, что есть! Основа его – это неделимость всего биологического комплекса Баренцева моря, представляющего единую экосистему этого важного для рыбаков России и Норвегии района рыболовства. Только такой подход может дать ключи к решению вопроса. Конечно, при этом возникают такие непростые практические вопросы, как справедливое определение квот на вылов тех или иных запасов, их деление на национальные доли, контроль за выполнением правил рыболовства, мониторинг за состоянием запасов и экосистемы в целом и ряд других.

По моему глубокому убеждению, все эти вопросы относятся к мерам доверия, и для их дальнейшего совершенствования было бы полезным укрепить совместные исследования по 3 направлениям: мониторинг биоресурсов; практические и экономические аспекты использования как живых, так и минеральных ресурсов и, наконец, мониторинг рыболовства и правовые вопросы предпринимательской, хозяйственной деятельности. Кроме того, назрела необходимость в выработке единых для российской и норвежской экономзон правил рыболовства и единых мер наказания за их нарушения, а также – выработка договоренности о совместном взаимном инспекторском контроле за рыболовством в экономических зонах друг друга.

В этих целях следовало бы создать совместный российско-норвежский Центр мониторинга окружающей морской среды и контроля за рыболовством в Баренцевом море.

Сейчас продвижение этих инициатив во многом зависит от рыбаков, ученых, прежде всего, рыбного Мурмана и Северного Финмарка, от тех, кто действительно заинтересован в устойчивом долгосрочном развитии рыболовства по всему Баренцеву морю, включая и район Договора о Шпицбергене 1920 г.

В феврале 2006 г., спустя 30 лет, я неожиданно встретился с Арне Трехолтом. Он был, по-прежнему, по-спортивному подтянут, полон оптимизма, несмотря на тяжелейшие, обрушившиеся на него волны холодной войны, как-никак 8 лет тюрьмы, казалось могли разрушить все надежды. Мы живо вспоминали прошлые переговоры, в которых участвовали совместно по смежному участку и по Шпицбергену, и, естественно, я затронул содержание введенного им термина «серая зона». Арне улыбнулся и протянул мне с дарственной надписью авторский экземпляр своей автобиографии: «Серые зоны. Шпион, которого не было». При этом он пояснил, что в отношениях людей, государств, в политике кроме контрастов: белое – черное, красное – синее, правда – ложь, любовь – ненависть, есть еще и серые зоны – полутона. Думаю, он прав. Именно они – полутона наиболее сложны для понимания и наиболее перспективны для нахождения оптимальных решений возникающих проблем.

По существу, раздел Баренцева моря между Россией и Норвегией – это соперничество за обладание акваториями (географическими площадями), экономзонами и зонами континентального шельфа, а, следовательно, за обладанием нефтью, газом, морскими живыми ресурсами, за управлением и контролем рыболовства. Имеются здесь и военные, да и в целом геополитические интересы России и Норвегии. Не следует сбрасывать со счета и то, что Норвегия – это представитель НАТО, а, следовательно, и интересы главного мирового игрока – США тоже присутствуют в Баренцевом море.

Zilanov V.K.

An adjacent area or a grey zone?

Russia and Norway annually prolong the agreement on the adjacent area of fishing in the Barents Sea. Agreements on the adjacent area allow to conduct civilized fishing not only for vessels of the two states, but for vessels of other countries, to avoid conflict situations which use to appear in such regions. And this is a great merit of Ishkov A., the Minister of the USSR, and Evensan E., the Minister of Norway.

In essence, the problem of the Barents Sea division between Russia and Norway is a rivalry for owning water territories, economical zones, zones of continental shelf and, consequently, for oil, gas, aquatic living resources, owning for fishing control and management. Besides, Norway is NATO member, so the USA have their own interests in the Barents Sea too.

The conferee of the process on disputed territories of the Barents Sea recalls some difficult moments of the negotiations.